

НЕМЕЦКИЙ АГРОНОМ ИОГАНН КАРЛ ЭРЕНФРИД КЕГЕЛЬ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬ И ПРИРОДЫ НА КАМЧАТКЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Э. Кастен

Фонд культуры народов Сибири, Фюрстенберг, Германия

JOHANN KARL EHRENFRIED KEGEL: STATEMENT OF A GERMAN AGRONOMIST ON LAND AND NATURE USE IN KAMCHATKA IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

E. Kasten

Foundation for Siberian Cultures, Fuerstenberg, Germany

Назначение Кегеля для работ на Камчатке. Уже в 1727 г. Верховный тайный совет в Санкт-Петербурге вынес следующее решение: «в тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян» (Сафронов, 1978. С. 130). Вопреки дальнейшим такого рода решениям в течение следующих 100 лет заселение Камчатки было довольно слабым, поэтому в 1835 г. там наряду с солдатами проживало всего 679 крестьян. В ноябре 1840 г. Сибирский комитет постановил отправить туда на два года агронома для «собираания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове» (Сафронов, 1978. с. 134). Выбор пал на Кегеля. Вскоре он получил подробные инструкции: на какие сорта овощей и фруктов обращать особое внимание, составить описание ботанических условий, проводить метеорологические наблюдения, исследовать плодородие почвы. Кроме того он должен был взять на себя заботу об улучшении обучения коренного населения в ремесленной школе, а также каждые два года представлять отчет государственному министерству (Стигнев, 2008).

В описаниях Кегеля (Kegel, 2011) отражено его добросовестное выполнение поручения. В них содержатся точные естественно-научные описания природных условий Камчатки, свойств почвы, флоры и фауны, природопользования, также инвентаризация предпринятых попыток введения огородничества и разведения скота. Кегель и его помощники проделывали собственные пробные проращивания семян, в результатах которых он смог убедиться позднее. Ученый проводил регулярные наблюдения за состоянием климата. Сведения как о климате, так и результаты проращивания семян он аккуратно вносил в журнал. Его особым стремлением было обучение местного населения, в особенности в области ведения огородничества и хлебопашества, а также создание ремесленных школ и проведение занятий по определенным правилам, прежде всего для коренных камчадалов,

как это было предписано правительством из Санкт-Петербурга, но до той поры недостаточно претворено в жизнь.

Если говорить современным языком, то можно сказать, что Кегель был международным консультантом в развивающихся странах, деятельность которых проходит в ситуациях с присущим для них конфликтным потенциалом. Первое, над чем сегодняшние помощники в развивающихся странах должны размышлять, это вопрос, как далеко такие вполне доброжелательные старания могут представлять пусть даже и оправданное вмешательство в традиционное и иной раз в экологически приспособленное хозяйствование коренных народов. Для Кегеля такой вопрос не стоял остро, потому что он столкнулся с хозяйствованием и социальной системой, уже в значительной степени выведенными из равновесия через торговлю пушным товаром и беспощадное вмешательство русских и казаков. Занимаясь пропагандированием огородничества и разведения скота, он мог бы быть вполне уверенным, что это может дать местному населению больше независимости от торговцев мехами и их отрицательного влияния, что, в свою очередь, могло бы способствовать использованию природных ресурсов и обеспечению средствами к существованию в длительной перспективе. Естественно, в силу своей профессии Кегель должен был быть убежденным в пользе введения и дальнейшего развития огородничества, хлебопашества и разведения скота. Как будет показано далее, он в большой степени и уважением интересовался также природопользованием самих коренных народов – совсем иначе, чем позднее в советское время, когда проводились мероприятия для развития сельского хозяйства.

Наблюдения за поведением и характером человека. В основном отрицательно описанные Кегелем русские являются противоположностью высоко ценимым им камчадалам, чьи порядочность и усердие он то и дело подчеркивает – хотя в журналах его эмоциональное суждение оказывается подчас иным. «Русский [...] с удовольствием берет себе в жены камчадалку. Он предается лени, так как жена делает все сама и заботится о том, чтобы ни в чем не было недостатка»; и вообще камчадалы якобы лучше разводят скот, чем русские. Кегель сожалеет о сокращении и переселении коренного населения. Его открытая симпатия к камчадалам, которых он то и дело берет под свою защиту против злоупотреблений торговцев мехами, прослеживается в его почти патерналистских выражениях как, например, «мои» или «бедные» (в смысле эксплуатируемые).

Другая же информация о «кочующих коряках», полученная Кегелем от своего поручителя, относительно типичных характерных черт этнических групп все же соответствует действительности, которую можно найти в таком же виде и в других сообщениях того времени, частично и в наше время. Богатые оленеводы всегда чувствовали себя обязанными давать работу бедным и, соответственно, их «кормить». Коряки верили «в высшее существо и счастливую загробную жизнь, которую они приобретают через любовь к человеку, добрые дела. Они испытывают отвращение к любому

рода воровству, ненавидят лгунов и воров». Чукчи, напротив, с которыми коряки и казаки должны были иметь дело, обычно описываются как «воинственный народ». Об эвенах говорится, что даже казаки относились к ним с уважением, так как они считались «мужественными и хорошими защитниками». Во время пребывания в Дельви Кегель слышал о «ламу-тах» (эвенах), как «самых смелых людях, нагоняющих на всех страх». Они якобы «отличные охранники и охотники; но из-за недостатка диких зверей с удовольствием забирают себе сухую рыбу из сушильных складов в таком количестве, сколько им необходимо». В другом месте он пишет об эвенах, что «они никому ничего не дают и не могут давать... Они ездят верхом на одном или двух оленях от одной горы к другой и убивают дичи столько, сколько им необходимо для пропитания».

Это совпадает с наблюдениями других путешественников того времени, а именно, что эвены на Камчатке сначала занимались охотой и лишь позднее, вероятно под влиянием коряков, стали заниматься оленеводством. Так же и в других источниках (Bergman, 1926. С. 149) речь идет о том, что эвены в чрезвычайных ситуациях обращались к корякам, считавшимся обычно гостеприимными и готовыми помочь, от которых они получали оленьё мясо или, как в данном случае, рыбу. В высказываниях Кегеля о камчадалах можно то и дело встретить явно популярный мотив дискредитации, в особенности соседних этнических групп, обвинения в том, что они якобы недостаточно заготавливали запасов, а потому вынуждены были просить помощи у других. Но при этом необходимо учитывать, с какой позиции данные информация и оценка происходят.

Это относится также и к оценке Кегелем в отношении коряков. С позиции агронома они не являются «большими любителями разведения скота и работы... ленивы и мало заботятся о заготовках на зиму». Но, похоже, он ни разу не встречал коряков-олeneводо-в (чавчуенов). На реке Седанка он наблюдал (для него казавшихся бедных) женщин и детей за ловлей рыбы, в то время как их мужья пасли оленей в горах. В Лесной он констатировал, что там существовали два оленьих стада, хозяева которых считались зажиточнее, чем другие жители селения, занимающиеся морским зверобойным промыслом и рыбной ловлей. Но даже сегодня там помнят о том, что в этом относительно тесном месте давно существующее дополнительное использование ресурсов выгоднее и является испытанной и более подходящей альтернативой, чем разведение скота, которое предлагал Кегель.

Описания и оценка поведения и характера коряков раскрывают особый аспект в критическом исследовании первоисточников, свойственный большинству других путешественников того времени (за исключением отчета Георга Кеннана (1890), бывшего сотрудником американской экспедиции, которая занималась проведением телеграфной линии также в непроходимые части Камчатки). Эти ученые, как правило, ездили уже по установленным маршрутам между селениями, поэтому практически никогда не встречались с коряками-олeneводо-дами (чавчуенами), а потому не могли

наблюдать их особый образ жизни и хозяйствования. Несмотря на то, что в то время для охоты было достаточно диких оленей, между жителями, живущими на побережье и внутри страны, существовали широко распространенные взаимовыгодные обменные и торговые отношения, как это видно на примере Лесной – одни занимались морским зверобойным промыслом, другие – оленеводством. Находясь под влиянием своей профессии агронома и, соответственно, задания, Кегель сосредоточивал свое внимание только на возможностях сельскохозяйственного развития и не мог распознать особенности потенциала развития других дополнительных природных ресурсов, использование которых носило сезонный характер.

Общности коренных народов на севере уже с давних времен развили собственные экологические и гибкие системы сезонного и дополнительного природопользования (Крупник, 1989). Даже в первые годы советской власти существовали колхозы, в которых давно предписанные русским правительством и пропагандируемые Кегелем цели сельскохозяйственного развития умело и в соответствии с ранними моделями самих коренных народов претворялись в жизнь. Возможно, это часто зависело от председателя колхоза, который, ввиду своего политического положения, организовывал работы не для собственной выгоды, а для общего благополучия. Люди пожилого возраста в Лесной до сих пор вспоминают о колхозном времени при Землянском как о «золотом времени». Позднее колхозное хозяйство, приносящее богатые плоды и широкое слияние традиционного природопользования и сельскохозяйственного развития, было уничтожено новой совхозной политикой, главной ошибкой которой в данном случае являлось то, что у жителей села забрали оленье стадо и передали «эффективному» звену в южных местах (АКУ-10-10).

Наблюдения за природопользованием камчадалов. Напротив, скорее трезвые, чем мировоззренческие наблюдения Кегеля подчас и сегодня имеют большое значение. Прежде всего относительно камчадалов, живущих в долине реки Камчатки, с которыми он довольно долго и интенсивно работал. Кегель оставил нам подробные описания традиционного использования растений, частично забытого этим народом, но до сих пор сохраненного в других местах Камчатки.

Им подробно описаны особые приемы сбора клубней сараны осенью, когда в тундре с помощью палки проводятся поиски «мышинных кладовых», чьи большие запасы затем изымаются. Этот практически уже неприменимый способ сбора можно было наблюдать в Лесной в 2000 г. (Празднуем с нерпами, 2005). Кегель то и дело упоминает о большом значении (как тогда, так и позднее) клубней сараны как основы питания, прежде всего на западном побережье, называемой местным населением «дикой картошкой», с удовольствием употребляемой также медведями и мышами; интересно, что Кегель, пропагандируя выращивание культурных растений, сознается, что клубни сараны довольно приятны на вкус, годятся как в суп, так и для жарения, даже приятнее, чем картофель, но, с другой стороны,

констатирует с разочарованием, что по этой причине жители не сажают картофель.

Кегель признает также ценность свежих растений, корней и клубней, собираемых в большом количестве местным населением в начале лета (в июне) после долгой зимы, когда они питались в основном сушеной рыбой. Приготовление сердцевины кипрея (иван-чая) описано очень точно и подробно, такое можно наблюдать и сегодня, когда корячки старшего поколения готовят из сухого толченого кипрея и сушеной икры традиционную толкушу (Празднуем с нерпами, 2005). Кегель часто упоминает умелое применение мухомора как одурманивающего средства, чаще, конечно, с отвращением, но также признает его действие как «лекарство», поскольку небольшая доза придает силу как для работоспособности, так и мужскую.

Также подробно описывает Кегель приготовление традиционной пищи. Но, похоже, ему не нравится в замороженном виде кислая рыба, которую местное население считает большим деликатесом. (Традиционные знания коряков-нымыланов с. Лесная – рыболовство, 2011). Удивительно, что он сообщает об употреблении в пищу полусырого медвежьего мяса («как английский ростбиф, из которого выступает кровь»), автора же данной статьи, напротив, местные люди всегда предупреждали – есть медвежье мясо только если оно долго проварится (возможно, из-за большого количества трихинов). Интересно также, что коряки на северо-востоке полуострова обходились еще без соления рыбы, так как у них практически не было ни соли, ни бочек, в то время как этот метод был широко распространен на юге, благодаря соседству с русскими и доступу к торговле.

Заключение. В путевом отчете, а также в журналах, впервые опубликованных в приложении нового издания, Кегель делает не только точное естественно-научное описание природных условий Камчатки относительно того, как и какие места полуострова пригодны для сельскохозяйственного развития. Сверх материалов, относящихся к первоначальному заданию, Кегель предоставляет дополнительные результаты и выводы, которые могли бы быть весьма полезными для правительства и населения Камчатки, если бы они нашли отклик у начальства (Садовникова, 2010. С. 57) – прежде всего, это относится к раскрытию нарушений и коррупции местного начальства на полуострове (Кастен, 2011). И, как Ганно Бек (Beck, 2011. С. 7), утверждает, что при жизни этот «классик» исследований и присоединения Камчатки не мог быть опубликован также и за границей, потому что он был слишком критичным. Кегель по возвращении с Камчатки до конца жизни оставался в России, и «публикации его работ могли означать для него потерю свободы».

Наряду с научными и агрономическими сведениями и благодаря его особому интересу к общим условиям жизни населения Кегель дает полезную этнографическую информацию о коренных народах Камчатки. Такого рода воззрение и широкий кругозор были весьма характерны почти для всех немецких ученых, исследовавших полуостров Камчатка (Стеллер, Эрман, Киттлиц, Дитмар, Лангсдорфф, Шамиссо и др. См. *Bibliotheca*

Kamtschatica: http://www.siberian-studies.org/publications/bika_R.html). Их описания полезны не только для науки в других областях, но часто такая точка зрения приводит к уравновешенной и уместной оценке определенных ситуаций, сделанных наблюдателем.

ЛИТЕРАТУРА

Кастен Э. 2011. Агроном И.К.Э. Кегель о местном начальстве и политике развития Камчатки в середине XIX века // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: Матер. XXVIII Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камч. краевая библиотека. С. 91–94.

Крупник И.И. 1989. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. – М.: Наука. – 272 с.

Празднуем с нерпами, 2005. Коряки и эвены на Дальнем Востоке России. ДВД. Э. Кастен, М. Дюрр (отв. за выпуск). – Берлин: Центральная обл. библиотека.

Садовникова Л.В. 2010. Агроном Кегель на Камчатке: 6 лет упорного труда // Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии: 250 лет русско-немецких исследований по экологии и культуре коренных народов Камчатки. – Фюрстенберг: Изд-во Фонда культуры народов Сибири. С. 41–59.

Сафронов Ф.Г. 1978. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М.: Наука. – 256 с.

Сгибнев А.С. 2008. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. // Вopr. истории Камчатки. Вып. 2. – Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга». С. 5–124.

Традиционные знания коряков-нымыланов с. Лесная – рыболовство, 2011. Корякский язык и культура, ДВД (KLC2-02-01). Э. Кастен (отв. за выпуск). – Фюрстенберг: Изд-во Фонда культуры народов Сибири.

Традиционные знания оленеводов – коряки Карагинского района, 2011. Корякский язык и культура, ДВД (KLC2-01-01). Э. Кастен (отв. за выпуск). – Фюрстенберг: Изд-во Фонда культуры народов Сибири.

AKU – Видеоархив Кастен-Уркачан, Фонд культуры народов Сибири. Фюрстенберг.

Beck H. 2011. Vorwort // Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847. Herausgegeben von Werner Friedrich Gülden. – **Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien**. С. 7–8.

Bergman S. 1926. Vulkane, Bären und Nomaden. Stuttgart: Strecker und Schröder.

Kegel J.K.E. 2011. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847. Herausgegeben von Werner Friedrich Gülden. – **Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien**.

Kennan G. 1890. Zeltleben in Sibirien und Abenteuer bei den Korjaken und anderen Stämmen Kamtschatkas und Nordasiens. – Berlin: Cronbach.

Вольный перевод Тьян Заочной

Выдержки из: Kasten, Erich 2011. Johann Karl Ehrenfried Kegel: Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land- und Naturnutzung auf Kamtschatka. In: Johann Karl Ehrenfried Kegel, Forschungsreise nach Kamtschatka, Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847, W.F. Gülden (Hg.), 307–320. – Fürstenberg/H.: Kulturstiftung Sibirien.